

К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

К.А. Соловьев

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛОМОНОСОВ О ВЛАСТИ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В статье содержится анализ взглядов М.В. Ломоносова на характер великокняжеской власти Древней Руси. Автор приходит к выводу о том, что взгляды Ломоносова имели системный характер. Самодержавие русских князей, по его мнению, выражалось прежде всего в способе обретения власти по поручению предшествующего великого князя. Дополнительными элементами самодержавного правления Ломоносов считал принцип наследования по старшинству; понимание самодержавия как верховной власти над всеми уделами; религиозное обоснование власти великого князя; фактическое владение большей частью наследственных русских земель.

Ключевые слова. М.В. Ломоносов, история России, власть в Древней Руси, самодержавие.

The article analyses the views of M. Lomonosov on the nature of princely authority of Old Rus. The author concludes that the Lomonosov's views were systematically. The autocracy of the Russian princes, in his view, expressed above all in the way of gaining power on behalf of the previous Grand Duke. Additional elements of autocratic rule Lomonosov considered the principle of inheritance seniority; understanding of the autocracy as the supreme authority over all inherit religious grounds authorities Grand Duke actual possession for the most part inherited the Russian lands.

Key words. M. Lomonosov, history of Russia, power in Old Rus, autocracy.

В.О. Ключевский в своих лекциях по русской историографии бросил фразу: «Ломоносов случайно должен был приняться за изложение русской истории – работу, ему наименее сподручную»¹.

Опираясь на книгу П. Пекарского², Василий Осипович объясняет «случайность» занятий русской историей М.В. Ломоносова обраше-

Соловьев Константин Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, e-mail: ksoloviov@sipa.msu.ru

¹ *Ключевский В.О.* Лекции по русской истории. Т. 2 // Соч.: В 9 т. Специальные курсы. М., 1989. С. 194.

² См.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1870.

нием к «первому уму и самому блестящему перу в России» И.И. Шувалову с поручением «создать историю России в патриотическом направлении»³. Соответственно наиболее яркими чертами в исторических трудах М.В. Ломоносова Ключевский называл «патриотическую тенденцию», хорошее знание фактического материала (на уровне середины XVIII в.) и «повествовательную риторiku», подменяющую анализ исторических документов⁴.

Ключевский особо подчеркивал, что Ломоносов работал без выписок, потому что «хотел мгновенным вдохновением уловить дух русской истории». Поэтому в его работах присутствует механическая связь русской истории с римской, а «блестящие идеи» соседствуют с «историческими догадками, внушенными автору веянием времени»⁵.

Такая характеристика прямо вытекает из мнения учителя Ключевского С.М. Соловьева о Ломоносове как о родоначальнике «литературного направления» в изучении отечественной истории⁶. Признавая «великий талант» Ломоносова в литературе и сферах с ней близких⁷, С.М. Соловьев утверждал, что «автору недоставало ни времени, ни средств изучить вполне русскую историю», события древности представлялись ему «отвлеченно», только как предмет «для украшенного описания»⁸.

Соловьев предъявляет к трудам Ломоносова две основные претензии (впоследствии повторенные Ключевским). Первая — «не имея возможности изучить вполне русскую историю, Ломоносов, разумеется, не мог уяснить ее хода, характера главных явлений, определяющих эпохи; вот почему он не мог представить никакой системы...»⁹. Вторая — дополнение излагаемого материала источниками литературными вставками, отражающими либо догадки автора, либо его стремление к эмоциональной насыщенности повествования, что С.М. Соловьев и называл «украшенным описанием» и «литературным направлением в истории».

В дальнейшем в работах отечественных исследователей характеристика исторических воззрений М.В. Ломоносова менялась много раз в зависимости от политической конъюнктуры, личных предпочтений автора и той позиции, которую тот или иной историк занимал в спорах норманистов и антинорманистов. Диапазон оценок очень широк, от

³ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 195.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 197.

⁶ См.: Соловьев С.М. Писатели русской истории XVIII в. // Соч.: В 18 кн. Кн. XVI. М. 1995. С. 221.

⁷ Там же. С. 222. «...В исследованиях о древности, где нужно было только разоб-
раться в известиях писателей и вывести из них заключение, там иногда блещит во всей силе
великий талант Ломоносова и он выводит заключения, которые наука после долгих
трудов повторяет почти слово в слово в наше время».

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 223–224.

крайне скептической, высказанной Н.Л. Рубинштейном¹⁰, до крайне апологетической — В.В. Фомина¹¹. Наиболее взвешенная оценка исторических воззрений и научных методов, используемых М.В. Ломоносовым, высказана, на наш взгляд, М.Т. Белявским, назвавшим «Древнюю Российскую историю» Ломоносова «уже не летописным сводом, а исследованием», в котором «отчетливо выступает позиция автора, налицо строгий отбор и критическое отношение к источникам, оценки и характеристики исторических событий, отдельных государственных деятелей детально аргументированы»¹².

В данной статье предпринята попытка выяснить, в какой степени можно говорить о наличии или отсутствии *систематических воззрений* М.В. Ломоносова на характер властных отношений в Древней Руси¹³ исходя из текстов дошедших до нас сочинений по истории России, а также писем и документов, отражающих взгляды автора по интересующей нас проблематике власти.

И первый документ такого рода — текст «Посвящения», составленный Ломоносовым по просьбе В.Н. Татищева, желавшего обратиться за покровительством в издании своей «Российской истории» к наследнику престола. Жанр «Посвящения» (или, как это говорится у самого Ломоносова, «приношения его высочеству») особый. В нем всего в нескольких строках необходимо было показать, почему вельможа должен считать себя польщенным тем, что книга будет издана под его покровительством. По сути, это *аннотация*, составленная в комплиментарном стиле и простым, доходчивым языком. Обращение Татищева к Ломоносову (через посредничество Шумахера) с просьбой поверить «предызвещение» и примечания к «Российской истории», а также написать посвящение, адресованное великому князю, должно означать как минимум, что Татищев:

- признает Ломоносова компетентным специалистом в истории России;

¹⁰ См.: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. СПб., 2008 (первое издание: М., 1941). С. 98. «Основной текст “Истории” Ломоносова представлял лишь литературный пересказ летописи, своеобразную риторическую амплификацию ее текста с некоторыми попытками его драматизации».

¹¹ См.: *Фомин В.В.* Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 258. «Многолетняя и целенаправленная работа с историческими памятниками... и исторической литературой превратила Ломоносова в профессионального историка. Об уровне квалификации Ломоносова в этой области знаний свидетельствует его отношение к источникам..., в котором он показал себя уже выдающимся ученым, в совершенстве владеющим методами научного познания». В этой же работе представлена наиболее полная на настоящий момент историография по теме исторических воззрений М.В. Ломоносова, правда крайне субъективно изложенная в тесной увязке с «норманнским» вопросом.

¹² *Белявский М.Т.* «...Всё испытал и всё проник»: К 275-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. М., 1986. С. 75 — 76.

¹³ В данном случае под Древней Русью понимается второй этап российской истории, определенный Ломоносовым так: «От начала княжения Рурика до кончины Ярослава Первого» и выделенный в отдельную, вторую часть его труда.

- считает, что у него с Ломоносовым нет принципиальных разногласий в оценке хода российской истории;
- понимает, что опыт одического стихосложения позволит тому справиться с задачей подготовки посвящения.

Ломоносов приложил текст посвящения к письму от 27 января 1749 г. В этом тексте в самом первом предложении содержится та самая аннотация татищевской «Российской истории»: «Дела бывших в России владетелей, а особливо самодержавных предков коль велики, ясно показывают широко распространенные пределы сего государства, но как оное возрастало и умножение его могущества и славы коль тяжким затруднениям подвержено было, и как оные преодолены, о том весьма немногие знание имеют, лишаясь достоверного описания деяний российских, через что похвала государей, заслугами своими Россию одолживших, равно как и древнего российского народа славное имя затмевается, и добрые примеры мужественных поступков и премудрых поведений остаются в закрытии»¹⁴.

Упростив сложно построенную словесную конструкцию, отметим, что, по Ломоносову, «умножение могущества и славы» России есть следствие «деяний российских», т. е. собственно исторического процесса во всей его совокупности. А сам же исторический процесс воспринимается двусторонне — как «заслуги государей» (нуждающиеся в «похвале») и как «славное имя» российского народа, заслуженного «мужественными поступками и премудрым поведением». Эта двуединая конструкция слегка перекошена началом, посвященным «владетелям» и «самодержавным государям». Но этот перекокс легко устраним пониманием, кому и для чего это было написано.

Конечно, здесь нет «системы» в том понимании, которое присутствует у С.М. Соловьева, но зато отчетливо показан подход к изучению и изложению российской истории, творимой как бы с двух сторон — владетелями и народом. Этот подход, отчетливо заявленный Ломоносовым, позволяет нам заняться поиском развернутых ответов на вопрос о том, как понимал автор характер властных отношений в Древней Руси.

Начнем с того, что элементы системности в трудах Ломоносова присутствуют, и упрекать его в том, что он рассматривает «события древней нашей истории в их отвлеченности и отрывочности» и лишь ищет в них «предметов для украшенного описания»¹⁵, нельзя. Вот если не система, то в терминах самого Ломоносова «порядок» изложения российской истории, представленный во вступлении к труду «Древняя Российская история от начала российского народа»: «Толикие перемены в деяниях российских: соединение разных племен под самодержавством первых князей варяжских, внутренние потом не-

¹⁴ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 463.

¹⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 222.

согласия, ослабившие наше отечество, наконец, новое совокупление под единоначальство и приобщение сильных народов на востоке и на западе»¹⁶. Проводя параллели с историей Древнего Рима (что очень не нравилось С.М. Соловьеву¹⁷, но в качестве методики кросскультурных исследований выглядит вполне современно), он называет одно важное отличие: «Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством, как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась. Благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами»¹⁸.

В России XVIII в. от Манкиева до Щербатова и Болтина не было историка, который бы поставил под сомнение благодетельность для России самого принципа единой государственной власти. Это было невозможно прежде всего по условиям бытования интеллектуальной мысли в России, история которой в предшествующие век-полтора не представила ни одной успешной попытки ограничения самодержавия. Более того, в XVIII в. государство, олицетворяемое монархом, и только оно, выражало заинтересованность в развитии науки и образования. Политическая доктрина «регулярного государства» (в ее синтезе с идеями Просвещения, выступавшая как концепция «Просвещенного абсолютизма») неизбежно «опрокидывалась» в прошлое без каких бы то ни было альтернатив. И только во второй четверти XIX в., когда в самой России альтернативы самодержавному строю (как либеральная, так и демократическая) стали восприниматься хотя бы в качестве теоретической возможности, в исторической науке созрели условия для выдвижения концепций, не детерминированных неизбежностью самодержавия для России, таких, как воззрения «государственной школы» или позиция «славянофилов».

М.В. Ломоносов, для которого самодержавный характер власти в Древней Руси был очевиден, тем не менее признавал, что для других

¹⁶ Ломоносов М.В. Записки по русской истории. М., 2005. С. 16.

¹⁷ См.: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 224. Автор на одной странице отказывается Ломоносову в какой-либо системе и чуть ниже называет ее «странной».

¹⁸ Ломоносов М.В. Записки по русской истории. С. 18. Рассуждение о возвышении и упадке Древнего Рима отсылает читателя к одной фразе Ш. Монтескье: «Величие города погубило республику не в меньшей степени, чем величие империи» (*Монтескье Ш. Размышления о причинах величия и падения римлян*. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Montesk/09.php). И в этом свете не очень понятно, почему Д.Н. Шанский считает, что и Миллер и Ломоносов, находясь в полемике, «отражали позиции немецкого и русского Просвещения», не называя Просвещения французского (*Шанский Д.Н. Запальчивая полемика: Г.Ф. Миллер, Г.З. Байер, М.В. Ломоносов // Историки России XVIII – начала XX века*. М., 1996. С. 33).

народов и других исторических условий «гражданское владение» может быть благотворно, что вполне вписывается в общеевропейский контекст развития исторической и политической мысли, и в частности отражает мысль Ш. Монтескье о принципиальном противоречии между «умеренными государствами» (республикой и монархией) и деспотией, в которой «природа правления требует беспрекословного повиновения»¹⁹.

Сам же процесс формирования государственной власти в Древней Руси Ломоносов описывал следующим образом: «Рурик, самодержавства российского основатель и праотец многих государей, по прошению славян и чуди пришел к ним на княжение с двумя братьями, со всем родом и с варягами-россами. <...> Таким образом, по единой крови и по общей пользе согласные между собою государи, в разных местах утвердись, шатающиеся разномысленных народов члены крепким союзом единодушного правления связали»²⁰.

Сочетание принуждения и добровольного подчинения, по его мнению, привело к «неколебимому» утверждению монархии, которая сама для себя являлась основой и оправданием²¹. Причем важнейшим фактором, способствующим утверждению монархии в России, стала харизматичность вождей. Кий, Щек и Хорив у Ломоносова именуется «главными повелителями» полян, получившими права на власть «по случаю особой знатности или храбрости»²² (традиционная легитимация, по классификации М. Вебера, здесь сочетается с харизматической). Еще более важным харизматический фактор становится при утверждении Рюрика и его потомков в славянских землях: «Изо всего сего явно, что к приведению наших славян под самодержавство необходимо нужен был герой с храбрым народом, приобщившим добровольно повиноваться, каков был Рурик с варягами-россами»²³. Такая трактовка порядка установления власти в древности очень близка тому, что писал В. Татищев: «Начальство и власть дается по преимуществу, яко по старейшинству, разуму и способности, способность же состоит в проворстве, искусстве и силе или множестве»²⁴. Хотя нельзя не заметить, что у Татищева этот вопрос проработан с большей основательностью и тщательностью²⁵.

¹⁹ Монтескье Ш. О духе законов. URL: <http://lib.rus.ec/b/174603/read>

²⁰ Ломоносов М.В. Записки по русской истории. С. 66.

²¹ «Итак, иных грозою к боязни, иных властью к послушанию, иных правосудием и милостью к люблению приведеши, на правлении утвердишесь...» (Ломоносов М.В. Древняя Российская история // Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 218).

²² Там же. С. 63.

²³ Там же. С. 64.

²⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 360.

²⁵ См.: Соловьев К.А. Дело власти. Отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси. М., 2001. С. 16 – 17.

Если же внимательно всмотреться в то, как Ломоносов понимает термин «самодержавство», то оказывается, что самодержавие Рюрика совсем не похоже на самодержавие регулярного государства XVIII в., потому что главным и, по сути, единственным проявлением властных полномочий Рюрика оказывается выделение земель в управление отдельным боярам²⁶. Кроме того, Ломоносов именовал самодержавным правление не только Рюрика в Новгороде, но и Аскольда и Диры в Киеве²⁷.

Отсутствие точной проработки понятия «власть» применительно к древнейшему периоду русской истории сказывается не только в том, что Ломоносов не называл форм и методов осуществления власти, кроме, естественно, военной силы. Сама терминология, применяемая для описания властной проблематики, крайне не строга, если не сказать расплывчата. «Самодержавие» Рюрика Ломоносов также именуется «единоначальством» и «державствованием»²⁸, а «самодержавство» Аскольда и Диры — княжением «не завися от Рурика»²⁹. Применительно к Олегу, Игорю и Ольге он использует термины «правление», «владение», «полная власть княжения»³⁰, а применительно к Святославу Игоревичу — «владение Российским государством». Соответственно можно сделать вывод о том, что для Ломоносова государственная власть («самодержавие», «единодержавие») не имела отличий от «правления» и «княжения» и в полной мере соединялась с «владением» территории³¹.

Одним из принципиальных для М.В. Ломоносова моментов в характеристике «самодержавной» власти являлось указание на то, каким образом великий князь приобретает власть. Так, несовершеннолетний Игорь формально властвует под присмотром Олега, которому «поручена» опека малолетнего великого князя³². При этом очень характерна фраза, при помощи которой Ломоносов описал проявления власти Олега во внутренней политике: «Олег, радея о благосостоянии себе порученных народов, начал строить города и устанавливать порядочные

²⁶ «Единачальствуя над многими землями, роздал боярам своим города и области для управления и отпустил их с роды своими и со многими россами, особливо ж в Полоцк, в Ростов и на Бело-озеро, дабы россы, соединясь со славянами и с чудью, один народ составили и тем бы укрепили общую тишину с его владением» (*Ломоносов М.В. Записки по русской истории.* С. 67).

²⁷ «Оскольд и Дир в полянех самодержавство начали, которое потом Ольгой укрепилося». (там же. С. 64).

²⁸ Там же. С. 67, 69.

²⁹ Там же. С. 68.

³⁰ Там же. С. 69 — 70, 75, 80.

³¹ В «Кратком Российском летописце с родословием» Ломоносов писал, что «оная их военная храбрость была причиною, что славяне новгородские и чудь выбрали себе государем Рурика, который пришел с родом своим и с варягами-россами на *владение* (курсив мой. — К.С.) и на поселение» (там же. С. 147).

³² Там же. С. 69.

дани»³³. Выявляется следующая логика: если Олегу «поручен» великий князь Игорь, то вместе с ним и поручены земли великого княжения, а вместе с ними — и народы, на этих землях проживающие. То есть поручена власть, которую он потом должен передать Игорю.

Итак, первый акт передачи власти происходит в виде «поручения», за которым следует акт «присятия» власти Игорем после смерти Олега³⁴, что естественно: если власть самодержавна, то ее либо можно передать как наследство, либо принять, но не от кого-либо, а в качестве акта субъектной деятельности. В следующем поколении князей ситуация, по Ломоносову, повторилась зеркально. Поскольку Святослав был мал, но никому не «поручен», то власть «приняла» Ольга и по прошествии ряда лет, «видя довольные опыты способности своего сына ко владению Российским государством», решила удалиться от государственных дел («склонилась к покою») и, «поручив великое княжение Святославу, единственно обратила мысли к христианскому закону»³⁵.

Насколько важен для М.В. Ломоносова мотив «поручения», показывает следующий сюжет: Святослав, возвратившийся из-за печенежской угрозы в Киев, объявил вскоре матери и боярам: «не любо ми есть в Киеве бытии»³⁶. И далее в «Повести временных лет» содержится ответ Ольги: «Рече ему Вольга: видеши меня больной сушу, камо хочеши от мене итти, бе бо разболелася уже. Рече ему: погребе мя, идя же таможе хочеши»³⁷. У Ломоносова же мы встречаем пересказ речи Ольги в таком виде: «Что оставляешь нас, любезный мой сын, сирых? Чужих земель желаешь, а свою кому поручаешь? Дети твои малолетны, я дряхлой старости достигла и, конечно, к смерти изнемогаю. <...> Итак, единого прошу, пребудь здесь краткое время, до скончания моего течения. Погреби тело мое по христианскому закону, не сыпь высокой надо мной могилы и не совершай тризны по обычаю неверных»³⁸.

Оставим христианские инвективы, додуманные Ломоносовым в стороне, обратим внимание на вопрос: «Чужих земель желаешь, а свою кому поручаешь?» Его нет в летописании и других источниках, использованных Ломоносовым при подготовке его труда³⁹, но зато этот вопрос позволяет продолжить логику «поручений», т. е. *передачи власти над Русской землей*. И уже ожидаемым становится помещение вместо

³³ Там же. С. 70.

³⁴ «По смерти Ольгове полную власть княжения Игорь принял» (там же. С. 75).

³⁵ Там же. С. 80, 86.

³⁶ ПСРЛ. Т. I. Вып. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. С. 67.

³⁷ Там же.

³⁸ Ломоносов М.В. Записки по русской истории. С. 90.

³⁹ Более всего были использованы «Повесть временных лет», Радзивилловская летопись, Никоновская летопись и Киевский Синопсис XVII в. См.: Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971; Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 2. Л., 1965. С. 208.

летописного «Святослав посади Ярополка в Киев, а Олега в Деревех»⁴⁰ фразы о «поручении» этих земель сыновьям великого князя⁴¹.

И здесь важно вновь обратиться к термину «самодержавство». Г.Г. Фруменков, отметив, что «самодержавство» у Ломоносова — это «новая политическая форма в жизни русских славян», высказал мнение, что термин этот употреблен потому, что Ломоносов князей «уподоблял монархам XVIII века»⁴². Если бы это было в полной мере так, то Ломоносов не выступил бы в полемике между Крекшиным и Миллером на стороне последнего, утверждавшего, что к великим князьям первых веков российской истории нельзя применять титул «царь»⁴³.

М.Н. Тихомиров считал, что «самодержавство» для Ломоносова — не более чем синоним княжеской власти⁴⁴. Л.В. Черепнин писал, что термин «единодержавие» у Ломоносова выражал «идеализацию абсолютизма, и стремление подчеркнуть роль просвещенных государственных правителей», а само по себе единодержавие выражается в политике «включения ряда славянских и неславянских племен в российское подданство»⁴⁵. Но в чем состояла для Ломоносова «просвещенность» великих князей X в., Л.В. Черепнин не пояснил. О «самодержавстве» как политике «соединения разных племен» писал и М.Т. Белявский⁴⁶. Т.А. Володина, опираясь на анализ еще одного сочинения Ломоносова — «Краткого Российского летописца», делает вывод о том, что «обращает на себя внимание явное стремление автора проследить преемственность в политическом развитии, которая выражается как бы в географическом перемещении “самодержавства” по России. Юрик был еще в Новгороде, а затем “самодержавство” перемещается в Киев».

На наш взгляд, это последнее из приведенных выше мнений ближе всего к трактовке термина «самодержавство» как системы власти, а не как набора действий, предпринимаемых князьями по увеличению подвластной им территории (как получалось у советских историков середины XX в.).

⁴⁰ ПСРЛ Т. 1. Вып. 1. Ни в одном из этих текстов нет ни вопроса Ольги в данной формулировке, ни термина «поручить».

⁴¹ «Старшему сыну Ярополку поручил Святослав вместо себя Киев, среднему, Олегу, Древянскую землю» (*Ломоносов М.В. Записки по русской истории*. С. 91).

⁴² *Фруменков Г.Г.* Ломоносов — историк нашей Родины. Архангельск, 1970. С. 27.

⁴³ «Что великого князя Владимира Святославича во многих книгах писатели называли царем, то явствует в предложенных от него, Крекшина, книгах. А следовавших по нем великих князей российские писатели некоторых называли царями или самодержцами, в чем господин профессор Миллер не спорит. А что все великие князи от Владимира до царя Ивана Васильевича были цари, венчаны венцом царским и помазаны, того господин Крекшин не доказал, также и того, что была ли разность между великокняжеским История России» (*Ломоносов М.В. Записки по русской истории*. С. 390).

⁴⁴ См.: *Тихомиров М.Н.* Исторические труды М.В. Ломоносова // Вопросы истории. 1962. № 5. С. 69.

⁴⁵ *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX века. М., 1957. С. 201.

⁴⁶ См.: *Белявский М.Т.* Указ. соч. С. 79.

Термины «самодержавство» и «поручить», используемые Ломоносовым чаще всего в характеристике как самой власти, так и способа ее передачи, и были той самой амплификацией — «стилистической фигурой, представляющей собой ряд повторяющихся речевых конструкций или отдельных слов»⁴⁷, столь точно подмеченной Рубинштейном. Но для Рубинштейна этот прием повторов лишь риторическая конструкция в духе Цицерона. Нам же представляется, что *именно право монарха на передачу престола по своему усмотрению* — поручение земель наследнику — было для Ломоносова наиболее существенным признаком «самодержавства». Не будем забывать, что в середине XVIII в. одним из базовых элементов политической конструкции российского абсолютизма был порядок передачи власти избранному императором преемнику, установленный Петром I в 1722 г. и отмененный указом Павла I о престолонаследии 1797 г. «Поручение» земель великим князем (или регентом) наследнику живо напоминает действующий во времена Ломоносова порядок. И если Г.Г. Фруменков, написав об «уподоблении» Ломоносовым великих князей монархам XVIII в., имел в виду именно этот аспект, то с такой трактовкой «уподобления», видимо, следует согласиться.

Таким образом, важнейший признак «самодержавства» у Ломоносова — это возможность передавать власть по своему усмотрению на протяжении многих поколений, «в роды родов», как это сказано в обличительной речи непокорного Рюрику Вадима⁴⁸.

Характерная деталь: в описании событий, связанных с наделением кого-либо властью в X в., Ломоносов дважды воздерживается от термина «поручить». Первый раз речь идет о воеводе Игоре Свенельде, «которому из особой любви и милости *отдал во владение* (курсив мой. — К.С.) Древлянскую землю». То, что Игорь не «поручил» древлян боярину, а лишь «отдал во владение», видимо, должно означать, что «владение» Свенельда зависимо от воли великого князя. И о власти Свенельда, подобной «самодержавству» Аскольда и Дира, здесь и речи быть не может.

Второй раз термин «поручил» напрашивается, но его нет в истории о требовании новгородцев дать им в князя сына великого князя: «Святослав сказал: “Выбирайте; лишь бы кто к вам пошел, зная ваше упорство”. Ярополк и Олег тотчас отказались. Новгородцы по совету Добрынина стали просить Владимира. На что Святослав охотно скло-

⁴⁷ <http://www.lingvotech.com/amplifikacia> (12.04.2011)

⁴⁸ «Видя Руриков разум и мужество, некто знатный новгородец, именем Вадим, человек, склонный к общенародному прежнему владению, и сам желал быть, по-видимому, в том участником или еще и главным, советовал с единомышленниками своими, как бы избьить от русской власти. И, уповая на свою у новгородцев важность и на сообщников, говорил на закрытие, что Рурик пришел привести их руссам в рабство и в роды родов утвердить самодержавство». (*Ломоносов М.В. Записки по русской истории.* С. 67).

нился и молвил: «Будьте вы его»⁴⁹. И это при том, что двумя предложениями ниже Ломоносов пишет о «поручении» Ярополку и Олегу Киевской и Древлянской земель. Вероятно, случай с Владимиром, по мнению Ломоносова, нетипичен: великий князь, не желая иметь смуту в своем государстве перед походом на Балканы, уступает требованию своих подданных и жертвует принципом «самодержавства». А раз нет «самодержавства», то нет и «поручения».

После смерти Святослава Игоревича на Руси наступает эпоха братских усобиц. Проводить идею «порученного» единодержавия нет возможности. Необходима коррекция трактовки термина «самодержавство», раз уж этим периодом обозначен весь период в истории Руси до конца княжения Ярослава Мудрого. И что же мы видим? Ярополк Святославич «принял киевское великое княжение и правление»⁵⁰, до этого «порученное» ему отцом. Но он не был самодержцем, поскольку такое «поручение» на Древлянскую землю имел его брат Олег. И только после развязки кровавой междоусобицы и смерти Олега Ярополк возвратился в Киев как самодержец российский⁵¹, подкрепив право на этот титул посадением наместников в Новгороде. Владимир же, не обладая «поручением» отца, был младшим сыном Святослава, к тому же был рожден «от рабы»⁵². Другими словами, никаких предпосылок к «самодержавству» Владимира не имелось. Сила и коварство способствовали тому, что Владимир сначала «утвердился на новгородском владении», затем «взял» Полоцк и наконец «принял власть» в Киеве. Первый из использованных терминов отсылает нас к истории о приглашении Рюрика, а последний — к кризисной ситуации, возникшей после убийства древлянами Игоря и «приятии» власти Ольгой. Но вот кризис преодолен⁵³, и автор ощущает потребность коррекции принципа «самодержавства». И он находит очень изящный способ такой коррекции — религиозное обоснование принципа единодержавия, утверждаемого со времени правления Владимира.

Описывая начальный этап правления Владимира, Ломоносов именует такое обоснование «мнимым», потому что Владимир пытается опереться на языческих богов⁵⁴. При этом в характеристике деятельности Владимира в качестве «самодержца» Ломоносов отмечает «покорение» других племен, расширение «владений» и увеличение количества «данников»⁵⁵, что, конечно, никак не совпадает с харак-

⁴⁹ Там же. С. 90 – 91.

⁵⁰ Там же. С. 98.

⁵¹ Там же. С. 99.

⁵² Там же. С. 101.

⁵³ «И так братоубийством скончалось братоубийственное государство Ярополково, продолжавшееся около девяти лет без знатных дел» (там же. С. 102).

⁵⁴ «Самодержавного своего в России государственования Владимир полагает начало мнимым благочестием: по древнему предков многобожию...». (там же. С. 103).

⁵⁵ Там же. С. 106 – 107.

теристикой самодержавной власти абсолютного монарха. Вряд ли можно считать таковой и описание «совета» Владимира с «ближними и благоразумными советниками и старыми городскими начальниками» при выборе веры⁵⁶.

Логично было бы ожидать, что, рассказав о крещении Владимира и утверждении христианства в подвластных ему землях, Ломоносов вернется к сюжету о подкреплении власти уже не «мнимой», а истинной религией. Однако необходимого развития этот сюжет не получил, а автор обратился к другому — выделению «уделов»: Владимир, «оградив свою державу мужеством и просветив православием, начал размышлять, как бы утвердить мир в потомственное время между детьми своими, ведая, что несогласие в братиях много бед причинить может. Собствен пример, погибель Ярополкова и Ольгова предписывал осторожность от будущих несчастий. Того ради разделил или, справедливее сказать, отдал в уделы детям разные княжения на содержание по приличеству их породы, оставив себе и старшему потом наследнику киевское великое княжение и верховное повелительство над всеми уделами»⁵⁷. Тем самым наметившаяся коррекция в обосновании самодержавной власти великих князей не состоялась. Мысль о легитимации великокняжеской власти посредством религии не была доведена до логического конца. Обозначен был другой вектор коррекции — в сторону понимания самодержавия как «верховой власти» над уделами.

И далее, следуя за логикой источников, Ломоносов впадает в неразрешимое противоречие между принципом наследования власти по старшинству (зафиксированной в приведенной выше цитате) и реальными событиями. Если даже считать, что «наследник по старшинству» — Ярослав — впал в немилость и Владимир, готовясь к походу на Новгород, собирався лишить его прав, то из приведенного Ломоносовым списка жен Владимира следует, что не Борис, «любезнейший изо всех сынов», имел право на киевский престол в противовес «пронырствующему» Святополку⁵⁸, а братья Ярослава Изяслав и Мстислав. Развивать тему законности возможных притязаний Бориса или кого-либо еще из сыновей Владимира на «похищенный несправедно престол киевского великого княжения»⁵⁹ Ломоносов не стал. Но заметим, что, описывая события второй братской междоусобицы, он ни разу не использовал термин «самодержавство». Действия Святополка он характеризует как «тиранство» и «похищение владения»⁶⁰. Применительно же к Ярославу Ломоносов (что, как мы видели ранее,

⁵⁶ Там же. С. 116.

⁵⁷ Там же. С. 127 — 128.

⁵⁸ Там же. С. 129.

⁵⁹ Там же. С. 130.

⁶⁰ Там же. С. 132.

для него необычно) использует дословно летописный оборот «сел спокойно в Киеве на отеческом престоле»⁶¹. И только смерть Мстислава Храброго, княжившего в Чернигове, дала Ломоносову повод назвать правление Ярослава «всероссийским самодержавством»⁶².

Итак, мы можем с уверенностью сказать, что термин «самодержавство» в характеристике М.В. Ломоносовым власти великих князей Древней Руси не случаен. Наоборот, применяя этот термин, автор вписывает его в систему своих взглядов на российскую историю. Он точно обозначает условия, необходимые для того, чтобы такая форма правления утвердилась на Руси, отмечает харизматическую составляющую первых князей, «утверждавших самодержавие», и Рюрика в особенности. Власть древнерусских «самодержцев» у Ломоносова совсем не похожа на власть монархов XVIII в. Единственное сближение, позволяющее говорить о типологическом сходстве древнерусского самодержавия и самодержавия современной Ломоносову эпохи, выражается у него термином «поручить» земли, т. е. передать власть великого князя тому, кто был избран наследником. Этот принцип «поручения» власти и «приятя» его в тех кризисных ситуациях, когда «поручение» невозможно, последовательно проводится Ломоносовым в качестве базовой характеристики великокняжеской власти от Рюрика до Святослава Игоревича.

Со времени же наступления эпохи братских междоусобиц Ломоносов ощущает потребность в коррекции характеристики самодержавной власти. В его трудах намечены, но не доведены до логического конца несколько подходов к такой характеристике: объяснение «самодержавства» принципом наследования «по старшинству»; понимание самодержавия как верховной власти над всеми уделами; религиозное обоснование власти великого князя; фактическое владение большей частью наследственных русских земель.

Неполная проработка всех обозначенных подходов может быть объяснена несколькими факторами: общим состоянием исторической науки XVIII в., проходившей только стадию своего становления; слабой источниковой базой; незаконченностью задуманного труда при постоянном отвлечении от исторических занятий. Но все же главное объяснение видится в том, что концепция единственно возможной для России «самодержавной» власти вступает в неразрешимое противоречие с материалом источников, а другой политической теории в распоряжении Ломоносова не было и быть не могло. Именно поэтому риторическая составляющая термина «самодержавство» постепенно вытесняет у него аналитическую. И если в характеристике власти первых князей термин «самодержавство» выглядит органично, то по мере изложения событий последующих

⁶¹ Там же. С. 136.

⁶² Там же. С. 138.

периодов русской истории его использование вызывает все больше вопросов, что, по-видимому, чувствовал и сам автор, заменяя термин «самодержавство» как принцип правления на термин «самодержец» как часть титула.

Список литературы

Белявский М.Т. «...Всё испытал и всё проник»: К 275-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. М., 1986.

Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Т. 2 // Соч.: В 9 т. Специальные курсы. М., 1989.

Ломоносов М.В. Записки по русской истории. М., 2005.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957.

Пекарский П. История императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1870.

Пеитич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. 2. Л., 1965.

ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008.

Соловьев К.А. Дело власти. Отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси. М., 2001.

Соловьев С.М. Писатели русской истории XVIII в. // Соч.: В 18 кн. Кн. XVI. М., 1995.

Татищев В.Н. История Российская Т. 1. М.; Л., 1962.

Тихомиров М.Н. Исторические труды М.В. Ломоносова // Вопросы истории. 1962. № 5.

Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.

Фруменков Г.Г. Ломоносов — историк нашей Родины. Архангельск, 1970.

Черепнин Л.В. Русская историография до XIX века. М., 1957.

Шанский Д.Н. Запальчивая полемика: Г.Ф. Миллер, Г.З. Байер, М.В. Ломоносов // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996.